

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719
EDN: XXHRAF

Научная статья / Research article

Лингвистический контекстуализм Кембриджской школы: проблема идеи как исторического действия

Г.Р. Худайбергенов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
✉ 44geor44@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено критическому анализу лингвистического контекстуализма Кембриджской школы с акцентом на работах Джона Покока и Квентина Скиннера с целью выявить ограничения данного подхода в написании интеллектуальной истории. Автор ставит под вопрос постулируемую Кембриджской школой первостепенность лингвистического контекста в интерпретации текста, предлагая рассматривать движение идей не только как неотъемлемую часть порождающих их речевых актов, но и при этом детерминированных, в первую очередь, социальными условиями. Подробно рассматриваются основные положения лингвистического контекстуализма: концепция дискурса как системы языковых конвенций, определяющих границы возможного высказывания; роль речевого акта как инструмента изменения дискурса и осуществления политического действия; значение авторского намерения в интерпретации текста. Анализируя ключевые работы Покока и Скиннера, автор выявляет ряд проблемных моментов в их методологии. В частности, подвергается критике идея об автономии языка, которая, по мнению автора, не позволяет в полной мере учесть влияние социального контекста на формирование и развитие идей. Опираясь на концепцию речевого акта как формы социальной практики, основанной на принципах диалектического материализма, автор предлагает расширить методологический инструментарий Кембриджской школы. В частности, он настаивает на первостепенной необходимости анализа материальных и социальных условий, в которых происходит производство дискурса. Это позволит, по мнению автора, преодолеть ограничения лингвистического контекстуализма и создать более адекватный инструмент для написания интеллектуальной истории. В заключение статьи автор намечает перспективы дальнейших исследований в данном направлении, подчеркивая важность последовательного критического синтеза продуктивных методологических подходов для более глубокого понимания взаимосвязи языка, мышления и социальной реальности.

© Худайбергенов Г.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Кембриджская школа, Джон Покок, Квентин Скиннер, интеллектуальная история, контекстуализм, интерпретация, речевой акт

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Худайбергенов Г.Р. Лингвистический контекстуализм Кембриджской школы: проблема идеи как исторического действия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 709–719. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719>

Linguistic Contextualism of the Cambridge School: The Problem of the Idea as Historical Action

Georgiy R. Khudaybergenov

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ 44geor44@mail.ru

Abstract. This study critically analyses The Cambridge School's linguistic contextualism, focusing on the work of John Pocock and Quentin Skinner, in order to identify the limitations of this approach to the writing of intellectual history. The author questions the primacy of linguistic context in text interpretation postulated by The Cambridge School, suggesting that the movement of ideas should be seen not only as an integral part of the speech acts that generate them, but also as determined primarily by social conditions. The article discusses in detail the main provisions of linguistic contextualism: the concept of discourse as a system of linguistic conventions that define the boundaries of possible utterance; the role of speech act as an instrument of discourse change and political action; and the significance of authorial intention in text interpretation. By analysing the key works of Pocock and Skinner, the author identifies a number of problematic points in their methodology. In particular, the idea of the autonomy of language is criticised, which, in the author's opinion, fails to fully account for the influence of social context on the formation and development of ideas. Relying on the concept of the speech act as a form of social practice based on the principles of dialectical materialism, the author proposes to expand the methodological toolkit of The Cambridge School. In particular, he insists on the paramount need to analyse the material and social conditions in which discourse is produced. This will allow, in the author's opinion, to overcome the limitations of linguistic contextualism and create a more adequate tool for writing intellectual history. The author concludes the article by outlining the prospects for further research in this direction, emphasising the importance of a consistent critical synthesis of productive methodological approaches for a deeper understanding of the relationship between language, thought and social reality.

Keywords: The Cambridge School, John Pocock, Quentin Skinner, intellectual history, contextualism, interpretation, speech act

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Khudaybergenov, G.R. (2024). Linguistic Contextualism of the Cambridge School: The Problem of the Idea as Historical Action. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 709–719. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719>

Введение

Интеллектуальная история — это междисциплинарная наука, которая по своим истокам есть скрещивание философии и истории. Это пограничное состояние выражается даже в критике представителя известного метода этой науки (Кембриджской школы) — Квентина Скиннера, который «слишком философ и недостаточно историк» [Уотмор 2023: 86]. Пограничность эта видна и в спорах о том, чем же является интеллектуальная история, хотя ее институциональное оформление не вызывает сомнений [Cuttica 2016: 36]. Одним из немногих, но важных общих мест является «работа с культурной дистанцией и перевод аргументов и идиом прошлого на понятный сегодня язык» [Атнашев, Велижев 2021: 13], что предполагает интерпретацию текстов прошлого с учетом их исторического контекста. Такая работа с источниками требует ответов на философские вопросы о сущности языка, степени его автономности и соотнесенности с окружающей социальной реальностью. На эти вопросы отвечает метод Кембриджской школы, представленной работами Джона Покока и Квентина Скиннера, которая получила широкое признание в мировом научном сообществе и достижения которой осваиваются в России [Атнашев, Велижев 2018]. Метод Кембриджской школы носит название лингвистического контекстуализма. Он основан на идее о том, что понять текст можно только в рамках того языкового контекста, в котором он был создан. Для этого историк анализирует дискурсы — системы языковых конвенций, определяющих границы возможного высказывания, и речевые акты — действия, совершаемые с помощью слов и направленные на изменение дискурса. Предмет его исследования определяет первичность лингвистического контекста по отношению к социальному.

Несмотря на бесспорные заслуги историков Кембриджской школы в развитии методов анализа текста и приращении исторического знания, первостепенность лингвистического контекста в интерпретации идей прошлого вызывает сомнения, особенно из-за факта расхождения метода, выработанного постфактум, с непосредственным содержанием их исследований [Павлов 2018]. Именно эта первостепенность, по мнению автора данной статьи, ведет к ограниченному пониманию речевых актов, которые оказываются заключены в рамки языковых конвенций. В дальнейшем будет проведен детальный анализ метода Кембриджской школы, выявлены его ограничения и предложены пути расширения методологического инструментария для более адекватного и всестороннего изучения интеллектуальной истории.

Перспективный путь рассмотрения наследия теоретиков видится в выделении как нюансов, так и общих черт их методов. Общность их хорошо выразил Ричард Уотмор, назвав метод Кембриджской школы «лингвистическим контекстуализмом» [Уотмор 2023: 64]. Отсутствие разрыва между Скиннером и Пококом подчеркивает первый, когда пишет, что «всего лишь пытался определить и более отвлеченно сформулировать допущения, на которые... опирались Покок и в особенности Ласлетт» [Скиннер 2018: 253]. Поэтому необходим их совместный анализ.

Язык и контексты в методе Кембриджской школы

Общефилософским уровнем метода Кембриджской школы является философия языка, т.е. общетеоретические вопросы языка, решенные в философской форме. И уже из понимания языка выводится и иерархия контекстов, обуславливающая применение модифицированной теории речевых актов. Рассмотрим эти основания.

Дж. Покок использует сосюрговскую терминологию и понятие парадигмы для объяснения функций языка и дискурса как такового. В его понимании язык есть не язык в лингвистическом смысле (как, например, английский или русский), а язык как дискурс («*langue*»), как устойчивый на определенном историческом отрезке времени набор конвенций, риторик и идиом (устойчивые сочетания слов, образующих узнаваемые коннотации). «*Parole*» здесь являются индивидуальные речевые акты, которые, используя и изменяя *langue*, создают дискурс как *историческое* явление [Рососк 1979: 148; Покок 2018: 147]. Вводя процессы абстрагирования [Рососк 1962: 188–190], т.е. остранения языков его участниками для более философской концептуализации их опыта и этого языка, Покок выделяет «подъязыки» и «языки второго порядка» для более нюансированного анализа дискурса [Покко 2018: 150; Рососк 1981: 964; Рососк 1987: 21]. Скиннер не использует таких терминов, но, пусть и в меньшей мере, пишет о похожих по смыслу «вторичных иллокутивных описаниях» [Скиннер 2018: 303], которые «играют роль [некаузальных] объяснений» [Скиннер 2018: 305]. Дискурс, таким образом, понимается как «последовательность речевых актов», разворачивающихся в конкретном историческом контексте [Рососк 1981: 959]. Дискурс прямо наделяется статусом участника власти: будучи «доступным ряду авторов» [Покко 2018: 154], он формирует узнаваемые паттерны аргументации и определяет «характер политики» [Покко 2018: 152], тексты, написанные в традиции определенного дискурса, есть «проводники власти и авторитета» [Покко 2018: 178], а в случае со Скиннером «социальный словарь... помогает установить характер» политических практик» [Скиннер 2005: 9], их «границы» [Талли 2018: 243]. Дискурсы (их множественность — принципиальная характеристика [Рососк 1981: 964]) структурируют политическое мышление, влияют на распределение власти в обществе [Покко 2018: 150–154; Тоews 1987: 891, 962–964], «накладывают ограничения на его [автора] поведение» [Скиннер 2005: 10]. Политическая валентность этих «языков» проявляется в том, что они «селективны» (т.е. формируют парадигму): выделяя определенную информацию и «отсеивая» другую, они формируют восприятие политической реальности и определяют, «что в нем [языке] можно сказать» [Рососк 1981: 964; Рососк 1987: 20]. Так, они являются не просто инструментами выражения мысли, но и «актами власти над людьми» [Рососк 1973: 28]. Существуют эти дискурсы как постоянные структуры, но не как таковые, а через единичные эмпирические речевые акты людей, которые пытаются осмыслить свой опыт [Рососк 1987: 26]. Поэтому и история таких дискурсов будет по необходимости историей событийной [Рососк 1987: 22], историей идей в виде «истории высказывания» [Скиннер 2018: 96], историей «взаимодействия *langue* и *parole*» [Покко 2018: 147], которые могут образоваться не в «каноны»,

а в темпоральные традиции [Покок 2018: 179]. Если говорить метафорически, идеи и индивидуальные высказывания являются не атомами, существующими в конкретный исторический момент, а атомами в составе молекул (традиций дискурса), которые сталкиваются, переплетаются, развиваются и неожиданно гибнут.

Исследует эти процессы историк всегда в контексте. Пусть ни Покок, ни Скиннер не дают развернутого, оригинального и подробного определения контекста [Parekh, Berki 1973: 181], они, во-первых, разделяют социальный и лингвистический контексты, а во-вторых, лингвистический у них первостепенен и определяется вполне в духе Витгенштейна: «...все сознательные высказывания обычно задумываются как акты коммуникации» [Скиннер 2018: 315]. Итак, историк получает доступ и к «практической ситуации [социальный контекст]» [Покок 2018: 160], и к речевой ситуации через язык, а значит, оба контекста, социальный и лингвистический подлежат текстовой интерпретации. Несмотря ни на какие оговорки и необходимые упоминания социального контекста, который «подразумевается» как «определенное поле, в котором речевые акты становятся прямым социальным действием» [Атнашев, Велижев 2018: 25–26], языку предоставляется ровно столько автономии [Покок 2018: 179], чтобы было оправдано изучение идей в первую очередь через текст и с акцентом на текст, через контекст, который для Покока есть «полемиическая языковая ситуация» [Атнашев, Велижев 2018: 24]. Вполне однозначно он пишет, что контекст формируется «более непосредственно — политическими языками» [Рососк 2009: 959], используемый язык автора является «первичным контекстом» [Рососк 2009: 110], «язык... это ключ историка и к речевому акту, и к [социальному] контексту» [Покок 2018: 156], и язык вполне может указывать совершенно в противоположную сторону от социального контекста [Рососк 1987: 110–111], и ничего с этим поделать нельзя, контекст языка устанавливает пределы познания и «отвоевыва-ет позиции и вступает во все более сложное взаимодействие с контекстом опыта» [Покок 2018: 162]. Поскольку Скиннер провозглашает главной целью понять высказывание, приравнивая понимание высказывания к пониманию его смысла, для чего нужно реконструировать намерение автора [Скиннер 2018: 109], т.е. «иллокутивную силу» [Скиннер 2018: 106] его речевого акта, который и есть результат осуществившегося намерения [Скиннер 2018: 105]), то лингвистический контекст оказывается в центре внимания, в то время как «изучение всех особенностей социального контекста может стать частью лингвистического анализа текста» [Скиннер 2018: 109–110]. Социальный контекст не объясняет смысл [Скиннер 2018: 106], а становится «источником дальнейшей путаницы» [Скиннер 2018: 102] и поэтому должен полагаться лишь как «исходное обрамление» [Скиннер 2018: 110].

Язык при этом не просто зеркало опыта [объективной реальности], но он «отражает сам себя» сквозь призму калейдоскопа разнонаправленных зеркал [Покок 2018: 181; Скиннер 2018: 94]. В этой игре отражений и использований слов нет детерминированных результатов или законов, но это не должно останавливать историка от попытки сложной реконструкции проблематичных,

амбивалентных, синхронных и диахронных языков, функционирующих в речевых актах конкретных людей, переживающих конкретный исторический опыт [Покок 2018: 180–181]. Иными словами, языку придается статус такой реальности, которая может отражать сама себя, которая есть осколки зеркал, направленных в непредсказуемые стороны. Именно в такой образующейся лингвистической ситуации, состоящей из множества языковых контекстов, историк и может увидеть, как автор (по Пококу) «совершает свой „ход“» [Покок 2018: 161] (или «иллокутивные акты» Скиннера, определяемые «из намерений осуществляющих их субъектов речи» [Скиннер 2018: 302], которые выражаются в использовании автором иллокутивной силы, зависящей от смысла и контекста, для достижения поставленной цели). «Ходы» могут быть самыми разнообразными, но в сути они есть совершение действия *parole (s) в и над langue (s)*, и, давая этим «ходам» исчерпывающее объяснение, историк и пишет рассказ о том, что автор делал при написании текстов, и, несмотря на то, что «мы не можем полностью отделить высказывание автора от ответа читателя», и несмотря на очевидный факт множественных интерпретаций любых текстов на протяжении сменяющих другу друга исторических периодов, историк может и должен быть убежден в существовании текста как такового и попытаться исследовать его как авторское действие [Покок 2018: 163–170].

Проблема соотнесенности контекстов и речевого акта

Проведенный анализ позволяет выделить основополагающий вопрос, который отражает суть метода.

Какие взаимосвязи между социальным, лингвистическим контекстом и речевым актом?

Представляется перспективным обозначить направление исследований в сторону ответа на него в рамках рецепции Кембриджской школы. При этом рассматриваться вопрос будет с марксистских позиций, а значит, будут исследованы диалектические отношения между двумя контекстами и речевым актом, а значит, более точно отражена сложная реальность. Представляется, что, несмотря на «циничное» использование Скиннером теории Остина [Павлов 2018: 272] и очевидный антагонизм между «детерминистским» диалектическим материализмом и историком-контекстуалистом, который «либерал идеологически» [Покок 2018: 186; Атнашев, Велижев 2018: 44], который является наследием политического измерения методологических споров 60-х и 70-х гг. XX в., нет принципиальных препятствий для осмысления их теоретических положений с иных позиций.

Так, Покок и Скиннер, полагая возможность реконструкции лингвистической ситуации, социальную ситуацию рассматривают как необходимый фон. В общем под социальным контекстом подразумевается все то, что не есть лингвистический контекст. Текст при этом считается реально существовавшим, а не объектом художественной интерпретации. Значит, исходная онтологическая устойчивость текста позволяет нам предполагать существование объективной

реальности, доступ к которой мы получаем через источники. Это и будет «социальным контекстом», социальной материей, создаваемой производством человеческого общества. В этом случае представляется искусственным разделение языка и «практической ситуации», за исключением тех случаев, когда необходимо подчеркнуть сложность образования смыслов в момент совершения речевых актов. Возможность реконструкции речевого акта предполагает существование не просто дискурса как лингвистического контекста, но и общественной системы, с которой необходимо соотносить реконструируемые смыслы, так как сами эти смыслы тоже являются частью этой системы, а потому находятся с ней в теснейшей связи.

Характер этой связи не линеен в смысле наличия одной причинно-следственной связи. Нет простого «фона» или тождественного реальности «отражения». Чтобы выяснить эту связь, нужно сказать, что между речевым актом и объективной реальностью лежит идеология — ложное сознание (тип идеального) в смысле исторически ограниченного отражения объективного мира [Энгельс 1983: 16]. Идя от социального контекста, мы выявляем материальные условия появления и существования дискурса, его место в системе общественных отношений. Эти общественные отношения проявляются в том числе через и посредством речевых актов, которые есть действия по изменению мира. Но чтобы выяснить степень, характер и сущность этого действия, следует не только свести «индивидуальное к социальному, единичное — к массовому, а идеальное — к материальному» [Ковальченко 2003: 146], но и проследить затем обратный путь, ведь и общественная система, и общественные представления групп, и индивидуальные акты вместе отражают органическое сосуществование в объективной реальности всеобщего, особенного и единичного [Ковальченко 2003: 175]. Поэтому связь между речевым актом и объективной реальностью диалектична.

Теоретической основой, из которой выводятся эти положения, служит идея о том, что социальная материя, выступая формой человеческой деятельности, обретшей материальное воплощение, оказывает определяющее воздействие как на лингвистический контекст, так и на конечный результат речевого акта. Для более глубокого понимания следует обратиться к процессу идеализации предмета. Если само идеальное есть «субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли» [Ильенков 2020: 377], то предмет обретает свое идеальное воплощение только в том случае, если человек способен не только пассивно воспринимать его, но и активно воссоздавать, опираясь на язык. Ключевым условием здесь выступает способность человека «превращать слово в дело, а [слово] через дело в вещь» [Ильенков 2020: 383]. Именно в этом процессе материальный объект «пересаживается» в сознание человека, выраженный в общезначимых языковых формах и трансформированный в активную деятельность [Ильенков 2020: 383]. Так, социальный контекст, определяя формы деятельности и их материализацию, формирует базис для возникновения и развития языка.

Язык, в свою очередь, не является просто зеркальным отражением реальности. Он обретает свою сущность в непрерывном циклическом движении: «вещь — дело — слово — дело — вещь» [Ильенков 2020: 385]. В этом процессе идеальный образ вещи постоянно видоизменяется, обогащаясь новыми смыслами и значениями. Человек, действуя в рамках определенного социального контекста, обращается к дискурсу как к инструменту осмысления своего опыта и преобразования окружающей действительности, используя слова, и только в результате практического действия, в котором эти слова обретают материальное воплощение (становятся вещью в смысле зафиксированной «формы деятельности человека» [Ильенков 2020: 395]), мы можем судить об их подлинном значении [Ильенков 2020: 147]. И эта функция языка универсальна, как универсальна и человеческая деятельность, выражаемая в том факте, что природа «служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» [Ильенков 2020: 398]. И пока есть язык, нет нужды в особом скрещивании исследовательских логик Кембриджской школы и Ю. Хабермаса для помещения политических языков в контекст режимов публичности [Атнашев, Велижев 2018: 40] — история идей и споров будет наблюдаться с разной интенсивностью в любой культуре, и ключом к их пониманию будет фокус именно на этом непрерывном диалектическом взаимодействии языка, действия и объективной реальности.

Заключение

Таким образом, дихотомия социального и лингвистического контекстов, выявленная при анализе методологии Кембриджской школы, представляется неоправданной как для выявления первичности одного из них, так и для придания одному из них статуса «фона». Социальная ситуация, проходя через процесс идеализации в сознании через процессы обретения мировоззрения, превращается в социальную реальность в сознании исторических акторов, общественная деятельность которых создает лингвистическую ситуацию и предполагает совершение речевых актов. Однако данная цепь событий не является линейной. Задача историка состоит не только в том, чтобы проследить, «какими путями идет образование этих [идеологических] представлений» [Энгельс 1983: 16], но и обратный путь: от речевого акта к дискурсу, а от дискурса — к исходной социальной реальности и влияние первого на второе.

Итак, человек может изменять дискурс, а может с помощью дискурса изменять мир. В этом смысле, насколько он успешно изменяет дискурс и насколько сам дискурс адекватно может изменить мир (т.е. может «осуществлять обмен веществ между очеловеченной и девственной природой» [Ильенков 2020: 391], а значит, объективно его отражать), настолько автор *меняет мир и совершает действие при помощи слов*, а следовательно, использует правильную дискурсивную стратегию. Для анализа этих стратегий и необходим инструментарий, который синтезировал бы качественный, контекстуалистский подход Кембриджской школы, количественный контент-анализ, социологическое исследование

источников и данные других наук на основе материалистической диалектики. Совершенствование такого инструментария и его эмпирическая проверка в конкретных исторических исследованиях являются важными задачами для дальнейшего развития интеллектуальной истории. Ведь именно анализ дискурса, опирающийся на синтез различных методов, позволяет раскрыть нам бесчисленные сюжеты успешных и неуспешных попыток человека осуществить политическое действие при помощи слов — сюжеты, которые хранят в себе ценный опыт для понимания и преобразования мира здесь и сейчас.

Поступила в редакцию / Received: 09.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 26.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50.
- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 11–21.
- Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Собрание сочинений : в 10 томах. Том 4 : Диалектическая логика. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020а. С. 133–161.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории // Ильенков Э.В. Собрание сочинений : в 10 томах. Том 4 : Диалектическая логика. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020b. С. 222–447.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Москва : Наука, 2003.
- Павлов А. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 4 (125). С. 261–302.
- Покок Дж. The state of the art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 142–188.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
- Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 1–16.
- Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 249–346.
- Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.
- Талли Дж. Перо — могучее оружие. Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 218–248.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. Москва : Новое литературное обозрение, 2023.
- Энгельс Ф. Письма об историческом материализме, 1890–1894. Москва : Политиздат, 1983.
- Cuttica C. Intellectual History in the Modern University // A Companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford : Wiley Blackwell, 2016. P. 36–47.

- Franzosi R.* Content Analysis. Objective, Systematic, and Quantitative Description of Content // Content analysis. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 21–49.
- Parekh B., Berki R.N.* The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology // Journal of the History of Ideas. 1973. Vol. 34, no. 2. P. 163–184. <https://doi.org/10.2307/2708724>
- Pocock J.G.A.* Political Ideas as Historical Events: Political Philosophers as Historical Actors // Political Theory and the Rights of Persons / ed. by A. Kontos. Montreal : McGill-Queen's University Press, 1979. P. 139–158.
- Pocock J.G.A.* The Concept of a Language and the Métier d'Historien: Some Considerations on Practice // The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe / ed. by A. Pagden. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 19–38. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447.002>
- Pocock J.G.A.* The History of Political Thought: A Methodological Enquiry // Philosophy, Politics and Society. Oxford : Basil Blackwell, 1962. P. 183–212.
- Pocock J.G.A.* The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought // MLN. 1981. Vol. 96, iss. 5. P. 959–980. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/2906228>
- Pocock J. G. A.* Texts as Events: Reflections on the History of Political Thought // Political Thought and History : Essays on Theory and Method. Cambridge : Cambridge University Press. 2009. P. 106–123.
- Pocock J.G.A.* Verbalizing a Political Act: Toward a Politics of Speech // Political Theory. 1973. Vol. 1, iss. 1. P. 27–45.
- Toews J.E.* Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // The American Historical Review. 1987. Vol. 92, iss. 4. P. 879–907. <https://doi.org/10.2307/1863950>

References

- Atnashev, T.M., & Velizhev, M.B. (2018). Cambridge School: History and Method. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge School: Theory and practice of intellectual history* (pp. 7–50). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Atnashev, T.M., & Velizhev, M.B. (2021). The state of the craft. Three dilemmas of intellectual history. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (5), 11–21. (In Russ.).
- Cuttica, C. (2016). Intellectual history in the modern university. In R. Whatmore & B. Young (Eds.), *A companion to intellectual history* (pp. 36–47). Oxford: Wiley Blackwell.
- Engel's, F. (1983). *Letters on historical materialism, 1890–1894*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Franzosi, R. (2008). Content analysis. Objective, systematic, and quantitative description of content. *Content Analysis*, 1(1), 21–49.
- Ilyenkov, E.V. (2020a). Hegel and hermeneutics. In *Collected Works. In 10 vol. Dialectical Logic* (Vol. 4, pp. 133–161). Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya». (In Russ.).
- Ilyenkov, E.V. (2020b). Dialectical logic: Essays on history and theory. In *Collected Works. In 10 vol. Dialectical Logic* (Vol. 4, pp. 222–447). Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya». (In Russian).
- Kovalchenko, I.D. (2003). *Methods of historical research*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Parekh, B., & Berki, R.N. (1973). The history of political ideas: A critique of Q. Skinner's methodology. *Journal of the History of Ideas*, 34(2), 163–184. <https://doi.org/10.2307/2708724>
- Pavlov, A. (2018). Adventures of the method: The Cambridge school (of political thought) in contexts. *Logos*, 4(125), 261–302. (In Russian).
- Pocock, J.G.A. (1962). The history of political thought: A methodological enquiry. In *Philosophy, Politics and Society* (pp. 183–212). Oxford: Basil Blackwell.
- Pocock, J.G.A. (1973). Verbalizing a political act: Toward a politics of speech. *Political Theory*, 1(1), 27–45.

- Pocock, J.G.A. (1979). Political ideas as historical events: Political philosophers as historical actors. In A. Kontos (Ed.), *Political Theory and the Rights of Persons* (pp. 139–158). Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Pocock, J.G.A. (1981). The reconstruction of discourse: Towards the historiography of political thought. *MLN*, 96(5), 959–980. <https://doi.org/10.2307/2906228>
- Pocock, J.G.A. (1987). The Concept of a Language and the Métier d'Historien: Some Considerations on Practice. In A. Pagden (Ed.), *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe* (pp. 19–38). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447.002>
- Pocock, J. G. A. (2009). Texts as events: Reflections on the history of political thought. In J. G. A. Pocock. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method* (pp. 106-123). Cambridge: Cambridge University Press..
- Pocock, J.G.A. (2018). The state of the art. In T. Atnashev, & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 142–188). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Skinner, Q. (2004). The Collingwood approach to the history of political thought: Formation, challenge, prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (66), 1–16. (In Russian).
- Skinner, Q. (2005). Language and political change. *Logos*, (48), 143–152. (In Russian).
- Skinner, Q. (2018a). A reply to my critics. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 249–346). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Skinner, Q. (2018b). Meaning and understanding in the history of ideas. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 53–122). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Tilly, J. (2018). The pen is mightier than the sword: Quentin Skinner analyzes politics. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 218–248). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
- Toews, J.E. (1987). Intellectual history after the linguistic turn: The autonomy of meaning and the irreducibility of experience. *The American Historical Review*, 92(4), 879–907. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/1863950>
- Whatmore, R. (2023). *What is intellectual history?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Сведения об авторе:

Худайберженов Георгий Рустамович — студент факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 44geor44@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9797-2230)

About the author:

Georgiy R. Khudaybergenov — student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 44geor44@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9797-2230)